

Къ 85-лѣтію И. Е. Рѣпина

Знаменитому русскому художнику Ильѣ Ефимовичу Рѣпину исполнилось 85 лѣтъ. По этому поводу Редакціей журнала «Театръ и Жизнь» послана маститому юбиляру привѣтственная телеграмма. Ниже приводимъ очеркъ, принадлежащій его перу.

КАКЪ Я СТАЛЪ ХУДОЖНИКОМЪ

Батеньку (отца), какъ билетнаго солдата, «угнали» далеко, у насъ было и бѣдно и скучно, и мнѣ часто хотѣлось ѣсть. Очень вкусенъ былъ черный хлѣбъ съ крупной солью, но и его давали по-немногу.

Мы все бѣднѣли.

О батенькѣ ни слуху ни духу. Батеньку солдатомъ мы только одинъ разъ видѣли, въ сѣрой солдатской шинели; онъ былъ жалкій, отчужденный отъ всѣхъ. Маменька теперь все плачетъ и работаетъ разное шитье.

Съ утра мнѣ бываетъ лучше, и я тогда принимаюсь за своего коня. Я давно уже связываю его изъ палокъ, тряпокъ и дощечекъ, и онъ уже сто-

ваемся большими заячьими, сшитыми вмѣстѣ (ихъ такъ и покупаютъ) мѣхами. Я подбираю на полу обрѣзки мѣха для моего коня, изъ нихъ дѣлаю уши, гриву, а на хвостъ мнѣ обѣщали принести — какъ только будутъ подстригать лошадей у дяди Ильи — настоящихъ волосъ лошадинаго хвоста.

Мой конь большой; я могу сѣсть на него верхомъ; конечно, надо осторожно, чтобы ноги не разъѣхались — еще не крѣпко прикручены. Я такъ люблю лошадей и все гляжу на нихъ, когда вижу ихъ на улицѣ. Изъ чего бы это сдѣлать такую лошадку, чтобы лошадка была похожа на живую? Кто-то сказалъ — изъ воску. Я выпросилъ у маменьки кусочекъ воску (на него наматывались нитки). Какъ хорошо выходитъ головка лошади изъ воска! И уши, и ноздри, и глаза — все можно сдѣлать тонкой палочкой, надо только прятать лошадку, чтобы кто не сломалъ: воскъ нѣжный.

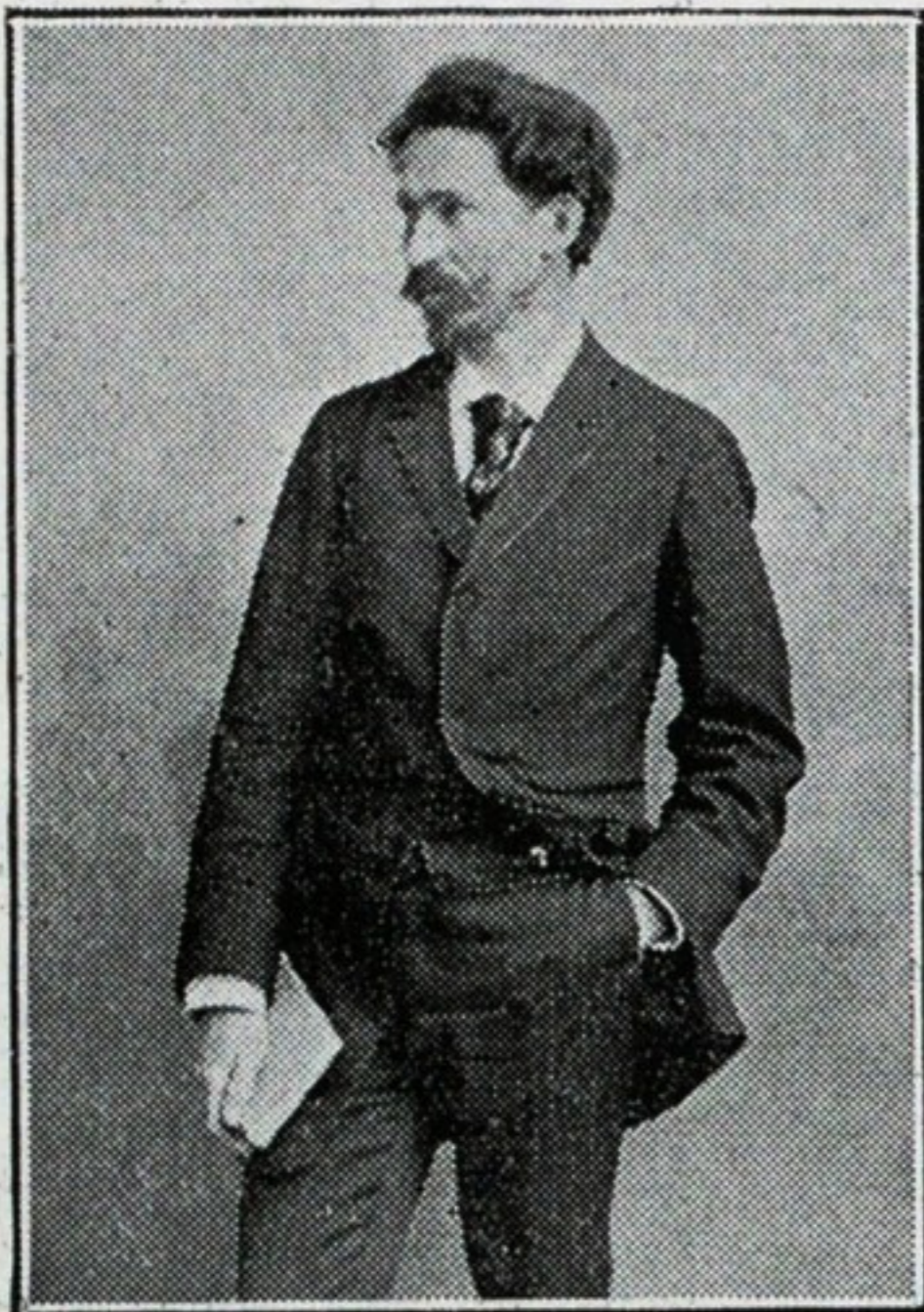
Потомъ я сталъ выпрашивать себѣ огарки восковыхъ свѣчей отъ образовъ, и у меня уже сдѣланы двѣ лошадки.

А сестра Устя стала вырѣзывать лошадей, и мы налѣпливали ихъ на стекла оконъ.

По праздникамъ мальчишки и проходящіе мимо даже большіе люди останавливались у нашихъ оконъ и подолгу разсматривали. Я наловчился вырѣзывать уже быстро — начавъ съ копыта задней ноги, я вырѣзывалъ всю лошадь; оставлялъ я бумагу только для гривы и хвоста и послѣ мелко разрѣзывалъ и подкруглялъ ножницами пышные хвосты и гривы у моихъ загинастыхъ лошадей. Устѣ больше удавались люди: мальчишки, дѣвчонки и бабы въ шубахъ. Къ нашимъ окнамъ такъ и шли. Кто ни проходилъ мимо, даже черезъ дорогу переходили къ намъ, посмотрѣть, надъ чѣмъ это сосѣди такъ смѣются и на окна указываютъ пальцами. А мы-то хохочемъ, стараемся, и все прибавляемъ новыхъ вырѣзокъ.

И вотъ нехитрое начало моей художественной дѣятельности. Она была не только народна, но даже дѣтски простонародна. И Осинка твердо утаптывала почву передъ нашими окнами сѣмечками отъ подсолнуховъ.

Я вырѣзывалъ только лошадей и не завидовалъ Устѣ, когда она очень хорошо стала вырѣзывать и коровъ, и свиней, и куръ, и утокъ, и даже индю-

И. Е. Рѣпинъ въ молодости

ить на трехъ ногахъ. Какъ прикручу четвертую ногу, такъ и примусь за голову; шею я уже вывелъ и затнулъ: конь будетъ «загинастый». Маменька шьетъ шубы осиновскимъ бабамъ на заячьихъ мѣхахъ; и у насъ пахнетъ мѣхомъ; а ночью мы укрыв-

ковъ, чѣмъ особенно восхищалась наша публика, увидѣвъ подъ носомъ индюка его атрибуты.

На рождественскіе праздники къ намъ отпустили нашего двоюроднаго брата, сироту Троньку (Трофимъ). Онъ былъ мальчикомъ въ мастерской у Касьянова, моего крестнаго, портного для военныхъ. Троша принесъ съ собой рисунки Полкана, и я очень удивился, какъ онъ хорошо рисуетъ. Подъ каждымъ рисункомъ онъ старательно подписывалъ названіе: «Полканъ» и свою фамилію: Трофимъ Чаплыгинъ. У него была огромная голова, коротко остриженная. Онъ зналъ много сказокъ, такихъ занятныхъ, что мы не могли оторваться — все слушали. «Струбметалль — Запечная Искра», «Зеленый», особенно про Царя Самосуда, какъ заспорили охотникъ и билетный солдатъ. Одинъ говорилъ: «пѣсня — правда, а сказка — брехня»; а другой: «сказка — правда, а пѣсня — брехня». Долго препирались охотникъ съ солдатомъ, пока не дошли до дворца Царя Самосуда. И, наконецъ, Царь Самосудъ, усадивъ ихъ по правую и лѣвую руку, долгой исторіей объяснилъ имъ, кто правъ.

На другой день Трофимъ изъ плоской коробочки, завернутой въ нѣсколько бумажекъ, досталъ краски и кисточки. Въ городѣ, въ ихъ мастерскую, приходитъ много разныхъ людей; аптекаръ принесъ Трофиму краски и кисточки. Въ аптекѣ краски сами дѣлаютъ. Трофимъ зналъ названія всѣмъ этимъ краскамъ: желтая — думигуть; синяя — лазурь; красная — баканъ и черная — тушь.

Трофимъ и при насъ вдругъ нарисовалъ еще Полкана; чиркъ, чиркъ — все точками и черточками; потомъ аккуратно складывалъ вчетверо свои рисунки Полкановъ и приталъ ихъ въ свою папку на дно. Рисунки его были очень похожи одинъ на другой, и намъ показалось, что и Тронька нашъ двоюродный — самъ Полканъ; особенно его большой лобъ и черные глазки, вставленные глубоко подъ лбомъ, и короткіе волосы, щеткой покрывавшіе его голову, были совсѣмъ похожи на рисованныхъ имъ Полкановъ; каждый Полканъ держалъ булаву. Красокъ я еще никогда не видѣлъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, какъ Трофимъ будетъ рисовать красками. Онъ взялъ чистую тарелку, вывернулъ кисточки изъ бумажки, поставилъ стаканъ съ водою на столъ, и мы взяли Устину азбуку, чтобы по ея некрашенымъ картинкамъ онъ могъ раскрашивать красками. Первая картинка — арбузъ — вдругъ на нашихъ глазахъ превратилась въ живую; то, что было обозначено на ней едва черной чертой, Трофимъ крылъ зелеными полосками, и арбузъ зарябилъ намъ въ глаза живымъ цвѣтомъ; мы рты разинули. Но вотъ было чудо, когда срѣзанную половину второго арбузика Трофимъ раскрасилъ красной краской — такъ живо и сочно, что намъ захотѣлось даже ѣсть арбузъ; и когда красная высохла, онъ тонкой кисточкой сдѣлалъ по красной мякоти кое-гдѣ черныя сѣмечки — чудо! чудо!

Быстро пролетѣли эти дни праздниковъ съ Тронькой. Мы никуда не выходили и ничего не видѣли, кромѣ нашихъ раскрашенныхъ картинокъ,

И. Е. Рѣпинъ въ «Пенатахъ»

и я даже сталъ плакать, когда объявили, что Тронькѣ пора домой.

Чтобы меня утѣшить, Трофимъ оставилъ мнѣ свои краски, и съ этихъ поръ я такъ впился въ краски, прильнувъ къ столу, что меня едва отрывали для обѣда и срамили, что я совсѣмъ сдѣлался мокрый, какъ мышь, отъ усердія, и одурѣлъ со своими красочками за эти дни. Я раздосадовался и заплакалъ до того, что у меня пошла изъ носу кровь и долго шла, не могли остановить, и я совсѣмъ поблѣднѣлъ. Помню, какъ кровь моя студнемъ застыла на глубокой тарелкѣ, и мнѣ мочили уже затылокъ холодной водой и клали на шею подъ затылкомъ большой желѣзный ключъ отъ погреба; надо было еще подымать высоко правую руку — кровь текла изъ лѣвой ноздри. Оправился кое-какъ только дня черезъ три. Кровь перестала — я сейчасъ же за красочки.

Вѣроятно, была уже вторая половина зимы, и мнѣ до страсти захотѣлось нарисовать кустъ розы; темную зелень листьевъ и яркіе розовые цвѣты, съ бутонами даже. Я началъ припоминать, какъ это листья прикрѣплены къ дереву, и никакъ не могъ припомнить и сталъ тосковать, что еще не скоро будетъ лѣто, и я, можетъ быть, больше не увижу густой зелени кустарниковъ и розъ.

Пришла однажды Доня Бочарова, двоюродная сестра, подруга Усти. Когда она увидела мои рисунки красками, я уже началъ понемногу пробовать рисовать кусты и темную зелень розъ и розовые цвѣты на нихъ. Донѣ такъ понравились мои розовые кусты, что она стала просить меня, чтобы я

нарисоваль для ея сундучка такой же кустъ: она прилѣпитъ его къ крышкѣ.

Заказъ Дони Бочаровой потянулъ и другихъ подругъ Усти также украсить свои сундучки моими картинками, и я съ наслажденіемъ упивался работой по заказу, высморкаться некогда было... А самымъ важнымъ въ моемъ искусствѣ было писаніе писанокъ къ Великодню. Я и теперь вспоминаю объ этомъ священнодѣйствіи съ трепетомъ. На одной сторонѣ рисовалось Воскресеніе Христа, оно обводилось пояскомъ какого-нибудь затѣйливаго орнамента съ извѣстными буквами «Х. В.». На другой можно было рисовать или сцену Преобра-

женія, или цвѣты — все, что подходило къ торже-
ству.

По окончаніи этой тончайшей миниатюры, она покрывалась спиртовымъ бѣлѣйшимъ лакомъ; въ дырочки продергивался тонкій шнурокъ съ кисточками и завязывался искусными руками — часто Усти. За такое произведеніе въ магазинѣ Павлова мнѣ платили полтора рубля. У насъ кто-то сплетничаль, будто магазинъ Павлова беретъ по три рубля за эти писанки — этому я мало вѣрилъ: я былъ болѣе чѣмъ доволенъ своею платою.

Илья Рѣпинъ